

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ судьи Федорцова А.А. (дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

21 февраля 2017 года

город Минск

Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза 21 февраля 2017 года вынесено решение по делу по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), статьи 125 Таможенного кодекса таможенного союза, прилагаемого к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года (далее – Таможенный кодекс), статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение).

Решением Большой коллегии заявление Российской Федерации удовлетворено в части и установлен факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора об обеспечении свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), осуществлении единого таможенного регулирования, статьи 125 Таможенного кодекса, статей 11 и 17 Соглашения.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Основываясь на своем праве, в связи с несогласием с судебным решением заявляю особое мнение.

1. Считаю, что, основываясь на праве Союза, исследованных материалах дела, у Суда не было оснований для постановления такого решения.

Полагаю, что заявление Российской Федерации не подлежало принятию к производству Суда и рассмотрению по существу в части, касающейся спора о соблюдении Договора.

В соответствии с пунктом 43 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут) спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Согласно пункту 2 статьи 33 Регламента в случае несоблюдения досудебного порядка Суд выносит постановление об отказе в принятии заявления к производству.

Таким образом, статутными и регламентными положениями установлена обязанность заявителя предварительно обратиться к государству-члену или Комиссии для урегулирования спорного вопроса в досудебном порядке. Предусмотрены его обязательные элементы:

- обращение истца к ответчику;
- предметное рассмотрение спора;
- соответствующие временные рамки.

Посредством установления положений об обязательности досудебного порядка государства-члены Союза преследовали цели создания механизма эффективного разрешения споров.

С учетом особого значения учредительного договора государства-члены Союза в дополнение к требованиям пункта 43 Статута установили правило об обязательности и приоритетности разрешения споров, связанных с толкованием и (или) применением положений Договора, путем консультаций и переговоров.

В соответствии со статьей 112 Договора только в случае недостижения согласия в формате консультаций и переговоров спор может быть передан на рассмотрение в Суд.

Вместе с тем, спор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о соблюдении Договора не рассматривался сторонами в рамках досудебного урегулирования. Материалами дела не подтверждается рассмотрение сторонами спора вопросов соблюдения ответчиком Договора и тем более его конкретных статей в рамках досудебного урегулирования. Из протоколов консультаций, состоявшихся между сторонами, следует вывод о том, что ими рассматривались разногласия по

применению Таможенного кодекса и Соглашения, а не Договора. В пункте 241 заявления сам истец признает, что «итогом переговорного процесса является таблица разногласий сторон по вопросу применения положений ТК ТС и Соглашения».

При таких обстоятельствах надо полагать, что стороны не проводили консультации и переговоры по спору о соблюдении ответчиком Договора, хотя ничто не препятствовало истцу в рамках досудебного урегулирования поставить данный вопрос.

В свете изложенного прихожу к мнению, что истец не обладал правомочием на обращение в Суд с вопросом о соблюдении ответчиком Договора, и данный вопрос не мог рассматриваться и разрешаться Большой коллегией Суда.

2. Несмотря на несоблюдение досудебного порядка в отношении спора о Договоре и совершенное истцом уточнение в рамках подготовки дела к рассмотрению, в судебном заседании 15 ноября 2016 года истец впервые заявил новые требования о несоблюдении ответчиком статей 1, 4 и 25 Договора.

В последующем, письмом Министерства юстиции Российской Федерации от 28 ноября 2016 года № 06/136554-МТ Российская сторона подтвердила данное заявление.

В судебном заседании 15 декабря 2016 года истцом было дополнительно заявлено о том, что положения права Союза были нарушены не только таможенными, но и судебными органами ответчика.

Заявленные в Суде новые требования не могут быть отнесены к предусмотренным Регламентом уточнениям требований и не подлежали рассмотрению в Суде.

3. В процессе судебного разбирательства исследованы материалы и обстоятельства, подтверждающие отсутствие у Суда как временной, так и предметной компетенции по рассмотрению спора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

В соответствии с пунктом 39 Статута Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению государства-члена о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений.

Пункт 39 Статута устанавливает полномочия судебного органа по рассмотрению споров о соблюдении правовых актов Союза.

Союз создан и действует с 1 января 2015 года. С этого времени вступил в действие и основной источник права Союза – Договор. До 1 января 2015 года не было такого интеграционного объединения как

Союз. В этой связи не представляется возможным установление нарушения норм правовых актов Союза, не действовавших до указанной даты.

Изложенный подход не ставит под сомнение юридический статус правовых актов Союза, действовавших до 1 января 2015 года в качестве актов Таможенного союза и Единого экономического пространства и вошедших в право Союза на условиях статьи 99 Договора. Однако необходимо признать, что у актов Таможенного союза и Единого экономического пространства новый статус (статус правовых актов Союза) возник при соблюдении статьи 99 Договора, только с 1 января 2015 года.

Применимость данной позиции в рамках спора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь подтверждается волеизъявлениями сторон, выраженными в пункте 58 заявления истца и пункте 4.3 возражений ответчика, согласно которым события, произошедшие до 1 января 2015 года, находятся вне рамок компетенции Суда *ratione temporis*.

Таким образом, события, имевшие место до 1 января 2015 года, не подлежат судебной оценке на предмет соответствия Договору.

Из пункта 39 Статута следует также вывод о том, что судебной оценке подлежит лишь такое поведение государства-члена (государств-членов), которое проистекает из реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений его органов.

Судом не может оцениваться поведение государства, которое не регулируется на уровне права Союза и не является реализацией такого права. Судебной оценке не подлежат споры, возникающие по вопросам применения актов национального законодательства.

Истец считает, что неправомерные действия Республики Беларусь выразились в нарушении статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения – в непризнании решений таможенных органов Российской Федерации о выпуске товаров в рамках процедуры таможенного транзита как товаров Таможенного союза и, как следствие, в проведении проверки обоснованности принятых таможенными органами Российской Федерации решений о выпуске товаров.

Российская сторона утверждает, что непризнание названных решений выразилось в необоснованном проведении таможенного контроля при наличии ненарушенных пломб и иной идентификации товара и, как следствие, в ведении административного процесса и изъятии товара.

Как отмечалось выше, в соответствии с пунктом 39 Статута Суд рассматривает споры о соблюдении другим государством-членом Договора, международных договоров в рамках Союза, следовательно, Суд

может рассматривать только те действия (бездействие) государства, которые были совершены в рамках вступившего в силу Договора и функционирования Союза, то есть с 1 января 2015 года.

В отношении утверждений истца следует отметить, что все действия по проведению таможенного или иного контроля товара и документов, на основании которых перевозился этот товар, в том числе и решений таможенных органов, являются следствием предполагаемого истцом факта непризнания такого решения, а не самим фактом непризнания.

Поведение ответчика, оцениваемое истцом как непризнание решений его таможенных органов, – это не длящееся деяние, а разовое действие, выразившееся в несогласии с таким решением, а все действия по проверке такого решения являются последствиями, так называемого, непризнания.

Определение времени, в течение которого длится нарушение международно-правового обязательства, дано в проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, разработанных Комиссией международного права и принятых к сведению резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 12 декабря 2001 года A/RES/56/83.

В нем сказано: «Нарушение международно-правового обязательства деянием государства, не носящим длящегося характера, происходит в тот момент времени, когда деяние совершается, даже если его последствия продолжаются».

Полагаю, что все деяния, приведенные в доводах истца как акты непризнания решений таможенных органов Российской Федерации, совершались в момент поступления и регистрации ввоза товара на таможенный пункт назначения, после чего начались мероприятия по проверке товара на предмет законности и обоснованности поступления его в рамках процедуры таможенного транзита Таможенного союза.

В процессе судебного разбирательства было установлено, что спор между сторонами был о соблюдении международных норм при перемещении грузов по четырем транзитным декларациям номер: 10012050/121214/0002728, 10012050/131214/0002779, 10012050/131214/0002780 и 10012180/171214/0002685. По остальным шести обозначенным истцом в своем заявлении случаям перемещения товаров все действия таможенных органов ответчика были, бесспорно, ограничены 2014 годом.

Как на указанных декларациях, так и в информационной системе таможенных органов зафиксировано, что груз по названным декларациям поступил соответственно 16.12.2014, 16.12.2014, 17.12.2014 и 23.12.2014.

На международных товарно-транспортных накладных проставлен штамп о поступлении товара с указанием обозначенных дат и отиском

личной номерной печати должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь. Этими действиями белорусского таможенного органа была завершена таможенная процедура таможенного транзита товара, выпущенного в данной процедуре российской таможней, как товара, выпущенного ранее в процедуре реимпорта.

Вывод о завершении этими датами таможенных процедур транзита основан на решении Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 438 «О Порядке совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита».

По анализируемым четырём машинам и товарно-транспортным документам все процедуры выполнены точно так, как это предписано в вышеназванном решении.

Таким образом, действие и реализация таможенного законодательства Таможенного союза завершились в 2014 году. Все дальнейшие действия таможенные органы ответчика совершали в рамках национального законодательства.

Данный вывод подтверждается, в том числе на основании дополнений, внесенных в 2015 году в решение Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 438.

Действующая редакция пункта 19 Порядка совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита, утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 438, конкретизирует, что по результатам проведения таможенного контроля в соответствии с пунктом 18 должностным лицом таможенного органа назначения принимается решение об оформлении завершения таможенной процедуры таможенного транзита, в том числе с указанием выявленных признаков нарушений регулирующих таможенные правоотношения международных договоров и актов, составляющих право Союза, и (или) законодательства государства-члена, и (или) иное решение в соответствии с законодательством государства-члена.

Таким образом, существующая регламентация порядка завершения таможенной процедуры таможенного транзита не изменяет, а разъясняет, что союзное законодательство применяется исключительно при совершении действий по завершению таможенной процедуры таможенного транзита.

Все последующие действия и решения регулируются национальным законодательством государства-члена. А поскольку процедура и действия по завершению таможенного транзита завершены в 2014 году, то и сфера

действия интеграционного законодательства оканчивается 2014 годом, по которому у Суда отсутствует компетенция. Судебная оценка действий в рамках реализации таможенного законодательства Таможенного союза и Единого экономического пространства представляется невозможной.

В ходе судебного заседания 15 ноября 2016 года, а также в письмах Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2016 года № 06/118934-МТ и от 28 ноября 2016 года № 06/136554-МТ неоднократно ставился вопрос об оценке действий государственных органов Республики Беларусь в рамках административного процесса: порядка возбуждения административного процесса, квалификации действий хозяйствующих субъектов по законодательству Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В свою очередь, ответчик и в письменной, и в устной формах обращал внимание Суда на то, что оценка оспариваемых истцом действий ответчика в рамках административного процесса находится за пределами компетенции судебного органа.

Следует отметить, что в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Таможенного кодекса таможенные органы государств – членов ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством государств – членов. Данные правоотношения не регулируются правом Союза и не подпадают под компетенцию Суда.

4. В соответствии с прецедентной судебной практикой (решения Суда от 28 декабря 2015 года и от 7 апреля 2016 года), сформированной на основании пункта 101 Статута, решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов, которые приведены в обоснование принятых к производству требований истца.

В решении от 21 февраля 2017 года Большая коллегия вышла за пределы судебного разбирательства. Это усматривается в пункте 8 решения, в котором Большая коллегия утверждает (без оценки данного вопроса с учетом позиций обеих сторон), что из заявления истца следуют обстоятельства, подтверждающие, что собственниками товаров (перевозчиками) и таможенными органами истца соблюдены необходимые требования положений таможенного законодательства.

Таким образом, Большая коллегия дала оценку правомерности поведения не только таможенных органов истца, но и соответствующих хозяйствующих субъектов, что полагаю совершенно неприемлемым с учетом пределов судебного разбирательства, а также компетенции Суда и судебных органов государств-членов.

В этой связи приходится констатировать, что согласно письму Северо-западной оперативной таможни Федеральной таможенной службы

Российской Федерации, направленному в ответ на обращение Ошмянской таможни Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, получатель товара в случаях транзита, рассмотренных Судом, действительно зарегистрирован в качестве субъекта хозяйственной деятельности на территории Российской Федерации по указанному адресу, но фактически по нему не располагается и не является участником внешнеэкономической деятельности.

Согласно объяснениям значащегося по документам директора этой организации, он не знает ничего о фирме, а только предоставил свой паспорт и подписал соответствующие документы за вознаграждение от неустановленных лиц.

Полагаю, что данный факт с бесспорностью говорит о несоблюдении таможенного законодательства соответствующим отправителем и получателем товара.

В данной ситуации таможенные органы ответчика, действуя в общих интересах Союза и его государств-членов, обязаны были реагировать и пресекать незаконные поставки товаров. Что и было сделано в соответствии с законодательством Республики Беларусь об административных правонарушениях.

О выводах Суда по существу спора

5. Признанный решением Суда факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме статей 1, 3, 4, 25 Договора об обеспечении свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, осуществлении единого таможенного регулирования интерпретирован (экстраполирован) через исполнение не в полном объеме требований статьи 125 Таможенного кодекса, статей 11 и 17 Соглашения.

Для выводов о наличии либо отсутствии факта неисполнения Договора необходимо проанализировать допущено ли ответчиком неисполнение обязательств, предусмотренных таможенным законодательством Союза.

О соблюдении статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения

6. В целях осуществления нормоконтроля и ответа на вопрос о соблюдении статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения следует определиться с нормативным содержанием указанных статей и, прежде всего, понятия «взаимное признание решений, принятых

таможенными органами».

Таможенное законодательство не дает определение указанного понятия.

В международных договорах, заключенных в рамках Союза по вопросам таможенного регулирования, в дополнение к статье 125 Таможенного кодекса и статье 17 Соглашения имеется ряд положений о взаимном признании документов, которые составляют таможенные органы.

Так, в соответствии со статьей 2 Соглашения о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств – членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях от 5 июля 2010 года документы, изготовленные или засвидетельствованные учреждением или специально на то уполномоченным должностным лицом в пределах их компетенции и скрепленные гербовой печатью на территории одной из Сторон, принимаются на территории других Сторон без какого-либо специального удостоверения. Согласно статье 6 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов Таможенного союза от 5 июля 2010 года результаты проведения таможенного контроля, оформленные таможенными органами любой Стороны в соответствии с положениями Договора о Таможенном кодексе таможенного союза, а также результаты выполнения компетентным органом одной Стороны в соответствии с законодательством этой Стороны процессуальных действий на основании поручений компетентных органов другой Стороны признаются в качестве доказательств по уголовным делам и делам об административных правонарушениях и подлежат оценке при рассмотрении указанных дел наряду с другими доказательствами согласно законодательству Сторон.

В рамках подготовки дела к рассмотрению Суд запрашивал мнения центральных таможенных органов о том, как они понимают институт взаимного признания решений таможенных органов и получил следующие пояснения.

Взаимное признание, по мнению Федеральной таможенной службы Российской Федерации, означает, что «решение, вынесенное/принятое компетентным органом на территории одного государства - члена ЕАЭС в соответствии с ТК ТС и правом ЕАЭС, имеет юридическую силу (является обязательным для исполнения) в другом государстве – члене ЕАЭС и совершение дополнительных действий по его легализации (удостоверительных процедур) не требуется».

Данную позицию истца в целом разделяет и ответчик, который одновременно обращает внимание, что взаимное признание решений

является частью взаимной административной помощи таможенных органов и инструментом таможенного контроля; взаимность признания решений предполагает, что таможенные органы признают решения друг друга, а не иных субъектов; неотъемлемой частью взаимного признания решений является их равная юридическая сила.

При этом, как указывает Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, положения статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения «носят вспомогательный характер – позволяют избежать излишних формальностей (легализация и верификация документов, проставление апостиля и т.п.) при получении документов и сведений от таможенных органов иных государств - членов ЕАЭС, либо с отметками таких органов».

В материалах дела ничего не указывает на то, что таможенные органы ответчика требовали легализацию решений таможенных органов истца.

Более того, из материалов дела видно, что решения таможенных органов Российской Федерации, выступавших при осуществлении таможенного транзита в роли таможенных органов отправления, были приняты как основание для оформления завершения таможенной процедуры таможенного транзита таможенными органами Республики Беларусь и таким образом были признаны в полном объеме.

7. Представляется неправильной трактовка взаимного признания решений таможенных органов как принципа, согласно которому соответствующий товар, по которому ранее было принято решение таможенного органа, не подлежит никаким формам последующего таможенного контроля.

В ходе судебного разбирательства стороны согласились, что таможенный орган назначения проводит и обязан проводить ряд форм таможенного контроля как перемещаемого товара, так и документов, в том числе с учетом системы управления рисками, необходимости защиты интересов Союза и его государств-членов.

При этом Таможенный кодекс, в том числе его раздел 3, не содержит каких-либо ограничений и изъятий по проведению таможенного контроля или по его формам в отношении товаров, перемещаемых на территорию или по территории одного государства-члена Союза по решению таможенного органа другого государства-члена Союза.

Нельзя не обратить внимание, что глава 17 Таможенного кодекса называется «Взаимная административная помощь таможенных органов» и находится в разделе 3 «Таможенный контроль». В статье 4 Таможенного кодекса дано определение понятия «таможенный контроль», а в статье 123 Таможенного кодекса – понятия «взаимная административная помощь». С учетом указанных положений Таможенного кодекса возможность

применения статьи 125 Таможенного кодекса за рамками оказания административной помощи не предусматривается.

Даже если допустить применение положений статьи 125 за рамками главы 17 Таможенного кодекса, необходимо проанализировать сферу ее действия.

Статья 125 Таможенного кодекса и статья 17 Соглашения (применительно к рассмотренному спору) говорят о взаимном признании и равной юридической силе решений таможенных органов, принятых в отношении товаров, перевозимых по таможенной территории Таможенного союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита.

В этой позиции заложено два обязательных условия:

товар перевозится в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита;

товар перевозится по таможенной территории Таможенного союза.

Таким образом, статья 125 Таможенного кодекса и статья 17 Соглашения ограничивают взаимное признание решениями в отношении товара, перемещаемого по процедуре таможенного транзита только по территории Таможенного союза. Это вполне понятно и объясняется тем, что перемещение товара через государство, которое не является членом Союза, сопряжено с дополнительными рисками и требует контроля при его ввозе с территории иного государства.

В оспариваемых случаях товар перевозился не только по территории России и Беларуси, но и по территории Литвы, которая не является государством – членом интеграционного объединения, поэтому спорные случаи не попадали под регулирование статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения.

8. Решение Большой коллегии строится на тезисе о том, что таможенный орган назначения, проводя таможенный контроль, рассматривает и разрешает вопрос о достоверности, допустимости, достаточности документов, выданных таможенными органами отправления.

Полагаю данный тезис ошибочным. Среди указанных в пункте 2 статьи 95 Таможенного кодекса объектов таможенного контроля отсутствуют документы, выдаваемые таможенными органами.

Проведение таможенного контроля в отношении объектов, указанных в пункте 2 статьи 95 Таможенного кодекса, не ставит под сомнение решения таможенных органов, принятые в отношении соответствующих объектов ранее, не означает их непризнание, а является систематической работой по обеспечению соблюдения таможенного законодательства Союза и законодательства государств-членов.

В силу самой сущности института таможенного контроля такой контроль не направлен на проверку принятых ранее решений таможенных органов. При таможенном контроле проводится оценка не предшествующего поведения таможенных органов, а участников внешнеэкономической деятельности, лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела.

В спорной ситуации таможенные органы ответчика не оценивали решения таможенных органов истца, а, как было показано выше, признавали их в полном объеме.

9. Суд не смог установить наличие достаточного правового регулирования вопросов перемещения товаров Союза между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью таможенной территории Союза через территорию государства, не являющегося членом Союза.

Как следует из материалов дела, в рамках досудебного урегулирования спора сторонами велась целенаправленная работа по подготовке Порядка совершения таможенных операций при перемещении товаров Евразийского экономического союза между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью таможенной территории Евразийского экономического союза через территорию государства, не являющегося членом Евразийского экономического союза (далее – Порядок), который предполагалось утвердить постановлением Совета Министров Союзного государства.

Исходя из изложенного, а также протоколов консультаций сторон и различных редакций проекта Порядка можно сделать вывод о согласии сторон в отношении неурегулированности вопросов перемещения товаров Союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита через территорию иностранного государства и целесообразности, по мнению сторон, закрепления на уровне постановления Совета Министров Союзного государства указанных вопросов в качестве временной меры до урегулирования соответствующих вопросов в рамках права Союза.

Следовательно, сами стороны спора признали отсутствие достаточного правового регулирования вопросов перемещения товаров Союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита через территорию иностранного государства. У Большой коллегии отсутствовали правовые основания для восполнения указанного пробела в силу предписаний пункта 102 Статута, согласно которым решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых.

При таких обстоятельствах не представляется возможным установить факт исполнения ответчиком не в полном объеме положений статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения.

О соблюдении статьи 11 Соглашения

10. Статья 11 Соглашения устанавливает основания для направления поручений о проведении отдельных форм таможенного контроля, и не регулирует права и обязанности по направлению таких поручений.

Следует исходить из того, что право таможенного органа на направление поручения предоставляется статьей 126 Таможенного кодекса, которая гласит, что в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза, а также предупреждения и пресечения нарушений таможенного законодательства таможенного союза таможенный орган одного из государств – членов таможенного союза вправе поручить таможенному органу другого государства – члена таможенного союза проведение отдельных форм таможенного контроля.

Однако, невыполнение требований этой статьи ответчику никто не вменял.

В рамках судебного разбирательства было установлено, что таможенные органы Республики Беларусь не направляли поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля.

В этой связи можно говорить о том, воспользовались или не воспользовались таможенные органы ответчика своим правом направить такое поручение. Если бы они направили поручение, то далее мог бы рассматриваться вопрос: соответствует ли поручение тем основаниям, которые изложены в статье 11 Соглашения. Но, если такого поручения не было, оно не направлялось, представляется невозможным установить соблюдение или несоблюдение оснований направления поручений.

Толкование положений статьи 11 Соглашения в совокупности с положениями статьи 126 Таможенного кодекса, на котором Стороны основывались при заключении Соглашения, позволяет заключить, что обращение за помощью в виде направления поручения является правом таможенного органа, а не его обязанностью.

Если таможенный орган не пользуется своим правом направления поручения, установленным статьей 126 Таможенного кодекса, то тем самым он не может нарушить положения указанной статьи Таможенного кодекса и принятого на их основании Соглашения в частности, положения статьи 11 Соглашения. Таким образом, таможенные органы Республики Беларусь не могли нарушить свои обязательства в рамках статьи 11 Соглашения, не направив на основании данного международного договора поручения таможенным органам Российской Федерации.

Руководствуясь изложенным, не могу согласиться с выводами Большой коллегии о том, что положения статьи 11 Соглашения содержат основания, «обязывающие таможенный орган одного государства-члена направлять указанные поручения таможенному органу другого государства-члена» и, соответственно, с выводом об исполнении Республикой Беларусь не в полном объеме положений статьи 11 Соглашения.

11. Полагаю, что при установленных Судом обстоятельствах производство по делу подлежало прекращению.

При принятии решения по существу спора Суду следовало отказать заявителю – Российской Федерации в удовлетворении его требований и установить факт соблюдения Республикой Беларусь Договора, статьи 125 Таможенного кодекса, статей 11 и 17 Соглашения в полном объеме.

Судья

А.А.Федорцов